

Ю. А. КИСЕЛЕВА

ЦЕННОСТИ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЧУВСТВ

(по воспоминаниям воспитанников и профессоров
Императорского Харьковского университета)

Статья посвящена реконструкции ценностно-эмоционального репертуара университетской культуры на основе изучения мемуарного комплекса императорского Харьковского университета. Автор отстаивает тезис об органической связи ценностей и эмоций в мемуарном дискурсе. Характерные черты университетской культуры обуславливали специфические формы отбора и репрезентации эмоций в воспоминаниях, но в то же время эмоции играли ключевую роль в процессе формирования, сохранения и трансляции университетской культуры посредством мемуарного дискурса. Делается вывод об оптимистическом характере культуры университетской корпорации в целом и необходимости осознанного использования ее ценностно-эмоционального потенциала.

Ключевые слова: история эмоций, университетская культура, мемуарный дискурс, университетские ценности, эмоциональное сообщество, Харьковский университет

Современная история, соприкасаясь с памятью, становится все более эмоционально и этически окрашенной, что усиливает социально-ориентированную ипостась исторического знания. Однако одновременно история как рефлексивное знание пытается осмыслить сущность своих новых социокультурных характеристик, превращая эмоции и ценности (которые ранее выносились за пределы науки) в объекты своего изучения¹. Возможно именно пересечение данных тенденций позволило истории эмоций сегодня стать одним из бурно развивающихся междисциплинарных исследовательских полей, а ее приверженцам заявить об эмоциональном повороте в гуманитаристике².

Особенное значение приобретает изучение эмоций и ценностей в рамках университетской истории в условиях нынешнего кризиса «миссии» университетов. Новый статус университетов, подразумевающий формирование прагматически ориентированной университетской культуры, заставляет задуматься о смысле традиционной для университета функции трансляции универсальных ценностей³. Сегодня вся чаще ставится под сомнение эффективность выполнения университетами задач развития гражданского сознания на основе демократизма универ-

---

¹ См. материалы сборников: Харківський історіографічний... 2012; Історіографічні та джерелознавчі... 2014.

² Plamper 2015. P. 63; Винницький 2012; Николаи 2015.

³ Бакиров 2012. С. 26-27.

ситетской организации и морального фактора, связанного с университетской средой⁴. Однако такое переосмысление идеи университета, по нашему мнению, невозможно без осознания ценностно-эмоционального потенциала университетской культуры.

Предмет статьи – создаваемые и транслируемые в рамках университетского мемуарного дискурса эмоции и чувства, а также стоящие за ними ценности⁵. Попытки исследовать воспоминания с позиций исторической психологии уже предпринимались. Однако главное внимание было сосредоточено на проблемах эволюции общественного сознания и социальной психологии авторов воспоминаний, отношение к ценностям рассматривалось как одна из характеристик психологии мемуаристов⁶. Специфика данного исследования в постановке иной задачи – реконструировать университетскую систему ценностей посредством изучения эмоционального репертуара воспоминаний и доказать, что связь эмоций и ценностей является одной из характеристик мемуарного дискурса и университетской культуры в целом.

Когда речь заходит об эмоциях, возникает вопрос – имеют ли исследователи дело с «реальными» чувствами или только с наименованием эмоций в текстах – эмоциональными выражениями⁷. К тому же следует учитывать, что между непосредственными эмоциями исторических акторов и временем их фиксации в мемуарах может проходить достаточно большой промежуток времени. Подобная ретроспекция приводит к тому, что эмоциональный опыт не только может реинтерпретироваться, но и заново прочувствоваться⁸. Поэтому существует мнение, что при работе с чувствами прошлого присутствует достаточно большой риск домысла. При этом необходимо заметить, что любые движения нашей психики/души интерпретируются, приобретая форму и смысл именно в момент наименования, и спустя годы осознание того, что человек любил, может быть так же «объективно», как и его непосредственные ощущения, могущие быть и «не распознанными» в реальном времени. С другой стороны, работа с «отрефлектированными» эмоциями имеет свои преимущества именно при определении их ценностной сущности. Фактически мы имеем дело с теми чувствами, которые авторы считали важными зафиксировать: они прошли через фильтр времени, моральных убеждений и целеполагания авторов. Поэтому, если эмоция появилась на страницах воспоминаний, то она дей-

---

⁴ Посохов 2006. С. 5.

⁵ Взаимосвязь чувств и ценностей достаточно изучена в психологии. Например, экзистенциальная психология рассматривает чувства и эмоции как результат, осознанно или неосознанно пережитой субъектом ценности. – Лэнгле 2007. С. 65.

⁶ См. Минц 1998.

⁷ Хмелевская 2011. С. 459.

⁸ Scheer 2012. P. 213.

ствительно воспринималась, во-первых, как реально существовавшая (или конструировалась как таковая), а, во-вторых, как заслуживающая внимания университетского сообщества и общества в целом.

Таким образом, речь не идет о презентации истории эмоций с «максималистских» позиций, акцентирующих внимание на историчности эмоций и их эволюции, но скорее об интеллектуальной истории, характерной особенностью которой выступает стремление рассматривать объекты изучения как часть культуры и, в то же время, нацеленность на исследование осознанных ценностных установок по отношению к эмоциям⁹. Поэтому в ходе исследования нас будут интересовать не все эмоции, присутствующие в мемуарном дискурсе, а только базовые, наиболее часто встречающиеся на страницах воспоминаний, как в виде понятий и поведенческих практик, презентующих определенные чувства, так и в виде эмоциональных метафор и микротекстов, в которых чувства не называются, но имеют однозначную трактовку¹⁰.

При этом мы не будем делать специального различия между эмоциями и чувствами, подразумевая под вторыми более устойчивые эмоциональные состояния, вызванные повторяющимися эмоциями. В данной работе также не рассматриваются отдельно эмоции воспитанников и эмоции профессоров, хотя опыт работы в университете, несомненно, наделял ценностно-эмоциональную культуру профессоров особыми смыслами. Тем не менее жанр мемуаров создавал возможность конструирования некоего общего эмоционального стиля, который, в свою очередь, превращал университетскую корпорацию в эмоциональное сообщество¹¹, в рамках которого эмоциональный репертуар и практики выражения эмоций и чувств были неразрывно связаны с ценностями университетской культуры и стратегиями построения университетской идентичности. Нацеленность на исследование данного аспекта оправдывает отсутствие внимания к названным различиям.

Подавляющая часть мемуарного комплекса Харьковского университета была создана в постреформенный период (в 1811–1860 гг. написано 6 мемуаров, в 1861–1920 гг. – 56, в 1921–1930 гг. – 10)¹², что делает условной возможность проследить динамику изменения эмоциональных стилей. Довольно позднее формирование мемуарного комплекса и публицистический характер мемуаров, в которых авторы стремились ответить на злободневные вопросы современного общества¹³, позволяют с большей основательностью воспринимать мемуары как средство формирования и трансляции культуры классического университета.

⁹ См.: Репина 2011. С. 325–410. О разнице подходов см.: Берк 2015. С. 171.

¹⁰ См. Филимонова 2001. С. 170–171.

¹¹ Rosenwein 2002. P. 837, 841–842.

¹² Иващенко 2003. С. 108–109.

¹³ Там же. С. 59, 167.

Мемуарный дискурс и циркулирующие в нем эмоции подчинялись определенной логике конструирования университетской культуры, подразумевающей, что негативные эмоции, как и упоминание о негативных явлениях университетской жизни (если они не могли быть высмеяны) отодвигались на задний план¹⁴. Поэтому страницы мемуаров наполнены упоминаниями о чувствах любви, уважения и скорби, эмоциями юмора, тогда как гнев, зависть, скука¹⁵ почти не вспоминаются, что свидетельствует не столько об их отсутствии, сколько о сознательном конструировании в мемуарной литературе позитивного образа университета и его культуры, пригодного для трансляции и наследования. Базовые ценности, носившие яркий эмоциональный характер, для университетской корпоративной культуры проявлялись через чувство любви. Данное чувство присутствует в текстах воспоминаний в трех ипостасях: любовь и преданность науке, любовь к университету, чувство любви (и родственные ей чувства восхищения, признательности, уважения) к преподавателям. Эти эмоции не стирались с годами и считались достойными упоминания в таком жанре как мемуары.

В каждый из периодов университетской истории все эти виды любви переплетались определенным образом. Наиболее частым по упоминанию вариантом чувства любви в мемуарах выступала любовь студентов к преподавателю, что объясняется особенностями самого мемуарного дискурса, который конструировался вокруг интенций авторов (выпускников университета) рассказать о процессе своего становления под влиянием идей и ценностей своих учителей и университета в целом. С течением времени причины любви студентов к преподавателям претерпевали определенные изменения. В первой половине XIX в. студентов очень часто привлекала манера преподавания. Однако существовала разница между любовью к преподавателю и увлеченностью его лекциями. Чувство любви вызывало сочетание целого набора личных качеств преподавателя как профессиональных, так и нравственных.

Если говорить о чтении лекций, то по-настоящему сильные чувства у слушателей вызывали не столько ораторские способности, сколько любовь преподавателя к науке, преданность служению ей¹⁶, которую профессора способны были передать студентам в ходе преподавания: «Осиповский, весь проникнутый любовью к своему предмету и к своей обязанности, умел для слушателей своих... поэтизировать даже дифференциальные и интегральные исчисления»¹⁷; «Такие знаменитые профессора, как Лунин, Валицкий, Срезневский, Степанов ...

---

¹⁴ Подробнее о «зонах умолчания» в текстах памяти см.: Вишленкова 2004.

¹⁵ О разнице упоминания такой эмоции как скука в мемуарной литературе и дневниках см.: Дубина 2010. С. 156.

¹⁶ Из воспоминаний студента .... 2008. С. 120.

¹⁷ Розальон-Сошальский 2008. С. 36.

имели громадное влияние на студентов силою своих талантов, превосходным изложением лекций и страстною любовью к своим предметам»¹⁸. Очень часто добросовестность в исполнении своих обязанностей оправдывала в глазах студентов даже строгость преподавателя¹⁹.

Любовь к науке была неотъемлемой частью образа университетского ученого и признавалась безусловной ценностью для университетского сообщества. При этом имело место сознательное культивирование преподавателями подобных эмоций в среде своих слушателей. Профессор Н.И. Еллинский, вспоминая о первых годах работы в университете, писал, что ему пришлось «творить все, даже до морали между моими слушателями, в кои надлежало поселять любовь к науке», при этом преподаватель «лишенный других способов» должен был «электризовать своих слушателей тем энтузиазмом, коим исполнен был к преподаваемому предмету»²⁰. Слушатели Д.И. Каченовского также отмечали его целенаправленные попытки возбудить в студенчестве любовь к занятиям, почтение к европейской науке и вообще наукам²¹. Таким образом, передача эмоционального отношения к науке была частью процесса трансляции знаний и в каком-то смысле средством привлечения молодых поколений к научной деятельности.

Молодые ученые, особенно те, начало карьеры которых пришлось на эпоху романтизма, вспоминая о своих первых шагах в науке, указывали на переживаемые ими сильные эмоции. Будущий преподаватель юридического факультета Т.Ф. Степанов подробно описал как он «сделался мучеником своего восторженного мышления»²². Другой мемуарист записал: «Этот умственный труд, это борение с неизвестным, не находившим в себе исход вопросом, до того меня волновали, что я иногда приходил в лихорадочное состояние»²³. Н.И. Костомаров признавался, что «история сделалась любимым до страсти предметом»²⁴. Иногда такая привязанность приобретала даже формы психического расстройства. В мемуарах довольно часто встречаются упоминания об ипохондрии и меланхолии²⁵, которые могли в свою очередь развиться до более серьезных психических расстройств, препятствовавших продолжению преподавательской и научной деятельности, как это произошло с профессором П.А. Затеplinским²⁶.

---

¹⁸ Пашков 2008. С. 267.

¹⁹ Из воспоминаний студента .... 2008. С. 115-116; Де-Пуле 2008. С. 288.

²⁰ Еллинский 2008. С. 55-56.

²¹ Воронов 2010. С. 33.

²² Степанов 2008. С. 46.

²³ Хрущев 2008. С. 166.

²⁴ Костомаров 2008. С. 186.

²⁵ Костомаров 2008. С. 181, 190; Хрущев 2008. С. 167; Степанов 2008. С. 41, 46.

²⁶ Из воспоминаний студента ... 2008. С. 121.

Частота и характер проявления «чувств к науке» в воспоминаниях первой половины XIX века позволяют говорить о том, что эмоциональная привязанность к предмету изучения рассматривалась как своеобразный показатель профессиональной пригодности. Парадигма романтизма с ее абсолютизацией художественного творчества и установкой на интуитивное проникновение в тайны науки, в частности в мир прошлого, нацеливала исследователей на поиски вдохновения как одного из главных элементов научной деятельности. Описанный сквозь призму чувств научный труд, таким образом, получал статус «призвания», что, в свою очередь, могло считаться залогом будущих успехов. С другой стороны, сам феномен университетской карьеры, которая представляла собой уникальный социальный лифт, поначалу был с недоверием встречен в обществе²⁷. Формирование университетской культуры было длительным процессом²⁸. В интересах легитимации университетов стояла задача противостоять мнению о возможных корыстных мотивах представителей новой социальной группы университетских профессоров как путем специальных объяснений²⁹, так и путем конструирования особого образа ученого, для которого переживаемые сильные чувства становились залогом «бескорыстного» отношения к науке.

Во второй половине XIX века любовь профессора к науке в оценках слушателей приобрела вполне четкий эквивалент, выражавшийся в конкретном вкладе ученого в науку. Этот показатель учитывался при оценке преподавателя, хотя и потерял эмоциональную окраску, тем более что авторы воспоминаний иногда признавались в неспособности адекватно оценить со студенческой скамьи достижения ученых³⁰. С другой стороны, сам характер описания этих эмотивных сюжетов изменился. Акцент сместился от констатации любви/увлеченности профессора наукой, к констатации его способности увлечь слушателей, передать свое отношение к науке, воодушевить ею³¹. Описывая свой первый день в университете, О.В. Аптекман вспоминал: «Когда Бекетов окончил лекцию, на всех лицах – я это хорошо помню – застыло глубоко-сосредоточенное выражение восторга – восторга перед величием научного познания, одухотворенного такой горячей страстью, такой глубоко проникновенной эмоцией. [...] Всеми чувствами своими, всем существом своим я воспринимал теперь чарующую прелесть научного познания, чистое, высокое наслаждение знанием. [...] Я ушел

²⁷ Об этом, например, упоминал проф. Х. Роммель: Роммель 2001. С. 114-115.

²⁸ В своих воспоминаниях бывший преподаватель Галльского университета Л.Г. фон Якоб отмечал, что даже первые университетские деятели не всегда осознавали суть университета. – Якоб 2016. С. 175.

²⁹ Якоб 1808. С. 76-77.

³⁰ В.П. Бузескул вспоминал, что во время учебы большинство студентов не подозревало, что А.А. Потенба был «большим ученым». – Бузескул. Образы... С. 126.

³¹ Воронов 2010. С. 33; Лейбин 2008. С. 415; Вязигин 2010. С. 244.

с лекции радостный и счастливый. Никогда еще я не был так счастлив»³². Впечатления слушателей лекций А. А. Потебни также были переполнены эмоциями: «Нас охватывала эта атмосфера мышления, это волнение творчества, это мучительное счастье стремления к истине, той, настоящей, большой истине, нам сообщалась эта невысказанная горячая вера в будущее. В ответ на слова учителя наш внутренний мир вибрировал в том же тоне, том же тембре, в том же настроении»³³.

Описание эмоций и чувств было сознательной установкой А.Г. Горнфельд в своих воспоминаниях о А.А. Потебне ясно декларировал цель «сообщить другим хоть незначительную частицу того настроения», которое создавали лекции профессора³⁴. Описание испытываемых во время обучения эмоций становилось способом «высказать» наивысшую оценку преподавателям. Одновременно подобные эмоциональные сюжеты и их осознанная ценность давали возможность описать процесс обучения как совместное приобщение преподавателей и студентов к познанию истины, «приращение» наукой.

Наоборот, нерадение о своих обязанностях, низкий уровень преподавания, «чуждый современным требованиям науки», вызывали неуважение, апатию и даже «отвращение» со стороны студентов³⁵. Причем чаще всего упоминание о подобных чувствах в воспоминаниях проявлялось не в форме негативных эмоций, а в форме комичных эмотивов.

Студенческую субкультуру всегда отличает ее смеховой характер, являющийся важным условием эмоциональной связи и консолидации студенчества. Посредством высмеивания определялись межгрупповые отношения, осуществлялся контроль за соблюдением поведенческих норм университетской жизни. Поэтому обилие встречающихся в воспоминаниях комичных микротекстов является не только отражением студенческой смеховой культуры, но и важным средством сохранения ценностей через маркирование негативных явлений, когда комичным воспринималось то, что казалось «неправильным»³⁶.

Первоначально смех маркировал «непривычное», став способом адаптации университетского стиля жизни, выразившегося, в частности, в поведении иностранных профессоров, когда многие их поступки местными жителями воспринимались как чудачества³⁷, но, по мере складывания системы университетских ценностей, смех также стал маркировать некомпетентность преподавателей³⁸. С другой стороны, в воспоминаниях присутствовала и разновидность добродушного юмора,

³² Аптекман 2010. С. 74.

³³ Горнфельд 2010. С. 254

³⁴ Там же. С. 248.

³⁵ Из воспоминаний студента... 2008. С. 110; Де-Пуле 2008. С. 280.

³⁶ Субботина 2015. С. 42.

³⁷ См.: Ивашенко 2011. С. 117; Посохов 2014. С. 287.

³⁸ Неслуховский 2008. С. 218; Селиванов 2010. С. 176; Костомаров 2008. С. 178.

не посягающего на ценностное достоинство личности, но направленное на ее отдельные недостатки³⁹. Описания смешных ситуаций, происходивших с любимыми профессорами, имеют сентиментальные черты⁴⁰. Так, М.Ф. Де-Пуле упоминает, что один из студентов, известный своими пародиями на профессоров, пародировал П.П. Гулака-Артемовского, «которого очень не любил», и профессора Метлинского, «к которому, напротив, чувствовал особенную симпатию»⁴¹.

В целом упоминания об отношениях между преподавателями и студентами имеют яркую эмоциональную окраску, хотя она и не оставалась неизменной. Мемуаристы, учащиеся первой половины XIX в., вспоминая годы учебы, особенно ценили доброе отношение со стороны преподавателей, их искреннюю любовь к студентам, «родственную приветливость наставников»⁴². В то время как в мемуарах воспитанников второй половины XIX в. происходила постепенная детализация в описании «идеальных» отношений преподавателя и студента.

На фоне критики отсутствия общения со студентами⁴³ и формального отношения профессоров к своим обязанностям, при котором не обращалось внимание «как поняли студенты лекцию, кто из них желает заниматься»⁴⁴, «глубокие» чувства вызывала готовность профессоров прийти на помощь студентам в решении занимавших их научных и общественных вопросов⁴⁵, глубокая заинтересованность в успехах учащихся и готовность преподавателя быть «доступным», выстраивая товарищеские отношения⁴⁶, «жертвовать личными интересами в пользу общую»⁴⁷. Обязательным атрибутом таких отношений было посещение домов профессоров, вызывавшее чувство благоговения⁴⁸.

Изменялся язык описания: такие слова как «идеал» или «бриллиант», «жрец науки»⁴⁹, которые применялись при описании профессоров начала века, сменились на «старший товарищ» и «учитель»⁵⁰. Менялись и практики, связанные с отношениями между преподавателями и студентами. Ситуацию первой половины века характеризует следующий эпизод из воспоминаний М.Ф. Де-Пуле – «молодежь в шумных манифестациях высказывала свою преданность любимому профессору

³⁹ Столович Л. *Философия, эстетика, смех*. М., 1995. С. 571.

⁴⁰ Шрамченко 2008. С. 172-173; Де-Пуле 2008. С. 296.

⁴¹ Де-Пуле 2008. С. 278.

⁴² Хрущев 2008. С. 166; Сбитнев 2008. С. 164.

⁴³ Вейнберг 2008. С. 385.

⁴⁴ Лейбин 2008. С. 414.

⁴⁵ Лейбин 2008. С. 414; Вейнберг 2008. С. 386; Кашменский 2010. С. 164.

⁴⁶ Селиванов 2010. С. 171; Де-Пуле 2008. 297; Вязигин 2010. С. 246.

⁴⁷ Сумцов 2010. С. 107.

⁴⁸ Селиванов 2010. С. 171; Лейбин П. 2008. С. 415.

⁴⁹ Де-Пуле 2008. С. 285-286; Пашков 2008. С. 269; Неслуховский 2008. С. 213.

⁵⁰ Сумцов 2010. С. 102; Бузескул В. П. *Из истории...* 2010. С. 145; Вязигин 2010. С. 245-246; Горнфельд 2010. С. 249.

[Валицкому]»⁵¹. Причем эти чувства были вполне искренними. В одном из воспоминаний описывается случай, когда, услышав о болезни профессора и ректора А.И. Дудровича, студенты в воскресный день «явились в городской собор и просили отслужить молебенное о выздоровлении больного»⁵². Во второй же половине XIX в. наблюдается сознательный отказ от демонстративного выражения чувств. А.Г. Горнфельд вспоминает: «Мы не аплодировали [Потебне] – это было важной рукоплесканий, но каждый уносил домой сознание того, что с ним произошло нечто хорошее, что сегодняшний день не потерял, что жить и работать еще можно и должно»⁵³. Вместо публичного проявления чувств появляются «содержательные» способы выразить привязанность к профессорам. Одним из примеров является практика создания во второй половине XIX в. «студенческих партий», связанных с тем или иным преподавателем. В воспоминаниях фигурируют партии «каченофилов»⁵⁴, «владимировцев» и «даневцев»⁵⁵. Причем принадлежность к таким «партиям» означала не только наличие симпатии к преподавателю, но и готовность налагать на себя определенные обязанности согласно провозглашаемым учителем идеалам. Например, сторонники Д.И. Каченовского должны были «серьезно работать»⁵⁶. Таким образом, данные примеры свидетельствуют об органической связи эмоционального и ценностного в университетской культуре.

На протяжении всего изучаемого периода мемуаристы отмечали важность искренности в отношениях между преподавателями и студентами. Показное сочувствие профессоров к слушателям, любовь на словах – отталкивали. Де-Пуле резюмировал отношение студентов к Гулаку-Артемовскому словами: «ему не верили и его не любили»⁵⁷. Негативно оценивались явные попытки преподавателей добиться популярности у студентов. Например, известен случай, когда преподаватель медицинского факультета добивался симпатий студентов, спекулируя на популярных среди молодежи взглядах, но «скоро был узнан» и получил от студентов прозвище «Чичиков»⁵⁸. О негативных коннотациях подобного поведения можно узнать и из характеристик достойных профессоров, воздерживающихся от «популярничества»⁵⁹.

Неоднозначно оценивались и попытки профессоров использовать в отношениях со студентами юмор. Преподаватели прибегали к этому

---

⁵¹ Де-Пуле 2008. С. 289.

⁵² Из воспоминаний студента ... 2008. С. 112.

⁵³ Горнфельд 2010. С. 254.

⁵⁴ Воронов 2010. С. 36.

⁵⁵ Селиванов 2010. С. 172.

⁵⁶ Воронов 2010. С. 36.

⁵⁷ Де-Пуле 2008. С. 281.

⁵⁸ А.Е. 2010. С. 193.

⁵⁹ Вязигин 2010. С. 246; Бузескул. Из истории... 2010. С. 137.

средству в надежде, что юмор поможет получить благосклонность аудитории, оживить ее внимание. Однако если юмор не подкреплялся знаниями, то он оборачивался против самого шутника и вызывал еще большее неуважение слушателей, не прощавших лектору дешевые заигрывания⁶⁰. Намеренное заискивание, превращение преподавания в спектакль, лишенный содержания, не увязывалось с идеями «служения» профессоров науке, университету, обществу, которое придавало происходящему в университете сакральный смысл. Таким образом, обозначенные сюжеты еще раз доказывают ценностный характер эмоциональной культуры университетской корпорации.

Готовность преподавателей любыми способами добиваться симпатий студентов свидетельствует и о том, что любовь студентов имела фундаментальное ценностное значение в университетской культуре. Фактически она считалась для преподавателя главной наградой, ради которой стоило переносить тяжесть научного труда и превратности научной карьеры⁶¹. При этом особенно ценилось такое отношение, которое обеспечивало профессору «бессмертие» в благодарной памяти своих учеников. Символическим воплощением подобных эмоций являлись скорбные чувства об умерших наставниках и погребальные ритуалы. Мемуары полны многочисленными упоминаниями о чувствах скорби и подробным описанием их выражения. С одной стороны, это метафорические выражения, трактующие смерть профессора как потерю для науки, университета и даже «общественное горе»⁶². Такие «чувства» были отражением коммеморативной культуры университета, когда смерть профессора и связанные с ней ритуалы становились способом пропаганды идей просвещения, утверждения сакрального образа науки и жертвенного служения ей⁶³. С другой стороны, упоминание интимных, например, молитвенных чувств, вызванных смертью учителя⁶⁴, а также описания индивидуального эмоционального опыта участия в ритуалах погребения («Мы отнесли нашего дорогого учителя на руках в усыпальницу»⁶⁵; описание «безудержных рыданий» во время панихиды⁶⁶, споры об эпитафии на могиле профессора⁶⁷) доказывают, что университетской культуре наряду с тем, что в определенный момент похороны профессоров стали воплощением отношения к их научным взглядам и общественным идеям⁶⁸, были присущи переживания смерти

---

⁶⁰ Вейнберг 2008. С. 384; Из воспоминаний студента ... 2008. С. 102, 119.

⁶¹ Степанов 2008. С. 49.

⁶² Кашменский 2010. С. 166; Из воспоминаний студента ... 2008. С. 116.

⁶³ См.: Вишленкова 2013.

⁶⁴ Вязигин 2010. С. 247.

⁶⁵ Ковалевский 2010. С. 66.

⁶⁶ Геевский 2008. С. 140.

⁶⁷ Из воспоминаний студента ... 2008. С. 113.

⁶⁸ См.: Вишленкова 2013. С. 584-599.

учителя, как потери если не близкого человека, то несомненно значимого человека в жизни его учеников и товарищей. Сами по себе мемуары, фиксирующие «сердечные воспоминания» и «глубокую признательность» были осознанным способом почтить добрую память учителей и обеспечить символическое «бессмертие»⁶⁹.

Как уже отмечалось, проявление «чувств любви» к профессорам в мемуарном дискурсе зависело не только от преподавательских талантов, но и нравственных качеств преподавателей⁷⁰. Нравственный облик профессора, воплощавший высокие идеалы, вызывал сильные эмоции. Во многом он формировался посредством мемуарного дискурса. Самые ранние мемуары профессоров-иностранцев постулировали идеи бескорыстного служения университету, стремление показать нравственное содержание собственных поступков являлось лейтмотивом их воспоминаний⁷¹. Впоследствии подобные эмотивы стали у мемуаристов общим местом: «По своим нравственным качествам [Осиповский], это было, – так все на него смотрели – совершенство, насколько человек может достигать его»⁷² Бузескул, резюмируя оценки бывших студентов М.М. Лунина, указывал, что преподаватель производил неизгладимое впечатление на своих слушателей «чистотою и высотой своих нравственных достоинств»⁷³. Проявление высокой нравственности видели в особом образе жизни преподавателей, аскетическом и полном достоинстве. Например, упоминалось, что проф. Дудрович «вел уединенную почти отшельническую жизнь. Писатели всех веков и народов были лучшими его друзьями. Редко являлся он в обществе... хотя все они [профессора] при этом относились к нему с особенным уважением»⁷⁴.

Достойный образ жизни, нравственное поведение профессора вызывали эмоциональный отклик, так как фактически воплощали в поведенческой плоскости любовь к науке. Описывая образ жизни К.К. Гаттенбергера, мемуарист заметил: «Его одиночество импонировало; в той нелюдимости чувствовалось не самодовление угрюмого мизантропа, а сосредоточенная замкнутость истинного мыслителя»⁷⁵. Одновременно образ жизни профессоров мог восприниматься и как своеобразный протест против негативных явлений окружающей действительности. На первом этапе университетской истории особенно ценилась открытая борьба профессоров с таким явлением университетской жизни как пансионерство⁷⁶. Иногда степень симпатии к преподавателю была пропор-

⁶⁹ Горнфельд 2010. С. 248; Алексеев 2010. С. 269.

⁷⁰ Ивашенко 2011. С. 121.

⁷¹ См. Роммель 2001. С. 125, 171; Якоб 2016. С. 192-193.

⁷² Розальон-Сошальский 2008. С. 36.

⁷³ Бузескул. Образы... С. 118.

⁷⁴ Из воспоминаний студента ... 2008. С. 111.

⁷⁵ Горнфельд 2010. С. 259.

⁷⁶ Де-Пуле 2008. С. 285-286; Оже-де-Ранкур 2008. С. 265.

циональна решительности борьбы, которую он вел за внедрение нравственных принципов в практику университетской жизни. Так, А.Г. Розальон-Сошальский отмечает что «рыцарский в боях за правду» Павловский был «обожан своим слушателем»⁷⁷. Правда, во второй половине XIX века, когда эта борьба потеряла свою социальную остроту и, лишенная публичности, стала вестись в университетской корпорации «при закрытых дверях», проявляемая в «университетских битвах» страстность, чреватая потерей чувства меры и возможностью несправедливых оценок, стала восприниматься скорее негативно⁷⁸.

Таким образом, эмоциональные оценки нравственности профессоров и поведенческих практик, воплощающих их моральные идеалы, были связаны с ценностями репрезентации⁷⁹ и трансляции университетской культуры, означали принятие идеалов профессорской культуры, приводившее в результате к нравственному перевоплощению самих студентов под влиянием любимых профессоров.

Ожидание подобного личностного роста трансформировалось и в чувства любви на страницах университетских воспоминаний не только к конкретным наставникам, но и к университету в целом. Любовь к университету выражалась в благодарности *alma-mater* за проведенные в нем годы юности⁸⁰, в чувстве гордости от сознания причастности к «храму науки», «царству мысли», которое приподымало в собственных глазах и глазах общества⁸¹. В основе этих чувств лежали глубокие эмоциональные переживания, связанные с надеждами на обретение смысла дальнейшей деятельности и в целом смысла жизни, которые виделись в общественном служении, выполнении образованной интеллигенцией своей миссии. Об этом свидетельствуют следующие строки воспоминаний: «В лекциях многие из нас находили жизнь, или, правильнее сказать самые лекции считали жизнью. ... я готов был среди самой лекции обнять и расцеловать товарищей; готов был разрезать руку и кровью своею написать клятву, что если буду полководцем, судьбою, правителем, господином – то не в петличку или на шею орден. ... но благо общее, слава родины, честь имени и совесть будут руководителями моими»⁸²; «Всем одинаково было близко чувство человеколюбия, всеми равно владело стремление жить и трудиться во имя идей добра, правды, всего высокого и прекрасного»⁸³; «Молодая

⁷⁷ Розальон-Сошальский 2008. С. 36.

⁷⁸ Бузескул. Образы... С. 120; Стоянов 2008. С. 369.

⁷⁹ Образ профессоров императорских университетов в целом конструировался на основании убеждения в том, что влияние на общество нравственных достоинств профессоров дополняло вклад ученого в науку. См.: Цых 1840. С. 90.

⁸⁰ Неслуховский 2008. С. 239; Шрамченко 2008. С. 174.

⁸¹ Пашков 2008. С. 271; Горнфельд 2010. С. 253.

⁸² Геевский 2008. С. 140.

⁸³ Неслуховский 2008. С. 212.

жизнь рвалась вон – на простор, в «храм науки» – в университет. [...] Наша юная бодрая мысль стремилась тогда к свободе – и в свободе личности, видела ближайшую цель этой свободы. С этими порывами, с этими думами мы шли в университет. Там окрепнет и оформится наша мысль, утвердится наша личность, определится наш путь»⁸⁴.

Однако во второй половине XIX в. у мемуаристов появилось скептическое отношение к подобным настроениям. Появился специальный термин для их обозначения – «идеализм»⁸⁵, который стал в целом характеризовать среду Харьковского университета в середине XIX в. Негативные оценки возникли в процессе сравнения возвышенных настроений с реальной деятельностью университетских выпускников и профессоров. Так, Де-Пуле резюмировал, что «мечты о деле» часто, не находя реализации в реальной деятельности, перерождались в «сентиментальное идеальничье»: университет, призывая к идеалам, не приучал выпускников к практической, полезной деятельности⁸⁶. Хотя, с другой стороны, звучали и слова оправдания. Например, М. Ковалевский был готов снять ответственность с университета, признавая важность его воспитательного влияния на выпускников, перекладывая обязанность реализации идеалов на совесть конкретного воспитанника⁸⁷. Но сам по себе факт переоценки идеализма очень показателен. Этот сюжет доказывает, что дискурс воспоминаний выполнял важную функцию ценностно-эмоциональной рефлексии и поиска новых ценностных ориентиров. Такое ценностное переопределение осуществлялось через переосмысление университетского эмоционального стиля.

Мемуарный дискурс пропитан эмоциями. Это, в первую очередь, обусловлено принадлежностью мемуаров к жанру, основанному на памяти, а память всегда эмоционально окрашена. Эмоции способствовали запоминанию ярких событий университетской жизни, выполняя функцию своеобразного фильтра памяти. С другой стороны, то, что определялось как «важное» в университетской культуре, имело эмоциональный характер, то есть определенные эмоции выступали результатом осознанного целеполагания. Таким образом, ценностная и эмоциональная составляющие университетской культуры были органически связаны, отвечая за ее трансляцию и, в то же время, выступая своеобразным индикатором успешности усвоения культурного капитала как внутри университетского сообщества, так и за его пределами. Зачастую, как в случае с любовью к науке, чувства и составляли сущность этоса.

Исследование университетского мемуарного дискурса наглядно показывает, что университетский эмоциональный репертуар являлся

---

⁸⁴ Аптекман 2010. С. 72-73.

⁸⁵ Пашков 2008. С. 267-271.

⁸⁶ Де-Пуле 2008. С. 276.

⁸⁷ Ковалевский 2010. С. 71.

результатом сложного взаимодействия определенных уровней функционирования эмоций. Прежде всего, это уровень индивидуальных эмоций, зависящих от психологических особенностей человека и его уникального жизненного опыта. Но, несмотря на всю уникальность личных переживаний, этот уровень находился во взаимосвязи с ценностно-эмоциональным уровнем университетского сообщества. И наконец, оба эти уровня напрямую зависели от эмоционального фона определенных эпох. Так, во второй половине XIX в. на смену романтизму, импульсом к появлению которого послужило разочарование в идеях Просвещения, пришел позитивизм, принесший оптимизм познаваемости, рациональности научного поиска и университетской организации в целом. Это помогает осознать истоки и особенности оптимистической по своей природе университетской культуры, которая в полной мере оформилась во второй половине XIX в. (в т.ч. и благодаря мемуарному дискурсу) и была нацелена на трансляцию и сохранение – посредством эмоционального маркирования «достойных» образцов.

Признание оптимистичности и направленности в будущее культуры классических университетов, осознание значения эмоциональной составляющей в процессе наделения смыслами, когда идеалы становятся основой психологического своеобразия личности, заставляет по-иному оценить соотношение прагматики и ценностей в современном мире, насквозь пропитанном эмоциями. Возможно сегодня обновление университетской «миссии» связано с прагматикой целенаправленного использования ценностно-эмоциональных смыслов научного знания и университетской культуры. В данном контексте осмысление будущего исторической науки в метафорах «исторического оптимизма», «политики справедливой памяти»⁸⁸ приобретает важное значение, позволяя говорить не только о проблемах, но и намечать будущие перспективы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- А.Е. Из студенческих воспоминаний // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців / наук. ред. С. І. Посохов. Харків: Сага, 2010. Т. 2. С. 192-194.
- Алексеев М. М. Воспоминания о профессоре Харьковского университета К. К. Гаттенбергере // Там же Т. 2. С. 261-269.
- Аптекуман О. В. Записки семидесятника. Студенческие годы // Там же. Т. 2. С. 72-83.
- Бузескул В. П. Из истории Харьковского университета второй половины 70-х годов прошлого века: (личные воспоминания) // Там же. Т. 2. С. 130-148.
- Бузескул В.П. Образы прошлого: (Из моих воспоминаний) // Там же Т. 2. С. 116-129.
- Вейнберг П.И. Харьковский университет в пятидесятых годах (из моих воспоминаний) // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців / вступ. стаття В. Ю. Іващенко, наук. ред. С. І. Посохов. Харків: Сага, 2008. Т. 1. С. 372-387.
- Воронов А.Г. Воспоминания бывшего студента Харьковского университета 1860-х годов // Там же. Т. 2. С. 25-46.

---

⁸⁸ Посохов 2013.

- Вязигин А.С. Воспоминания о В. К. Надлере (1886–1890) // Там же. Т. 2. С. 244-247.
- Геевский С.Л. Из автобиографии (1813–1862) // Там же. Т. 1. С. 136-156.
- Горнфельд А.Г. К.К. Гаттенбергер: (из воспоминания бывшего слушателя) // Там же. Т. 2. С. 255-260.
- Горнфельд А.Г. Лекции А.А. Потебни: (Из воспоминаний слушателя) // Там же. Т. 2. С. 248-254.
- Де-Пуле М.Ф. Харьковский университет и Д.И. Каченовский: культурный очерк и воспоминания из [18]40-х годов // Там же Т. 1. С. 272-331.
- Еллинский Н.И. Автобиографическая записка // Там же. Т. 1. С. 55-56.
- Из воспоминаний студента Н. // Там же. Т. 1. С. 99-103.
- Кашменский Ф.Г. Из воспоминаний о профессорах историко-филологического факультета Харьковского университета с 1876 по 1880 г. // Там же Т. 2. С. 162-169.
- Ковалевский М.М. Моя жизнь. Глава III. Университет // Там же. Т. 2. С. 47-71.
- Костомаров Н.И. Студенчество и юность. Первая литературная деятельность // Там же. Т. 1. С. 176-202.
- Лейбин П. Памяти Д.И. Каченовского // Там же. Т. 1. С. 413-416.
- Неслуховский Ф.К. Из моих воспоминаний // Там же. Т. 1. С. 208-240.
- Оже-де-Ранкур Н.Ф. В двух университетах (воспоминания 1837–1843 годов) // Там же. Т. 1. С. 260-266.
- Пашков В. Идеализм и идеалисты сороковых годов: воспоминания 1882 г. о Харьковском университете 40-х и 60-х годов XIX века // Там же. Т. 1. С. 267–271.
- Розальон-Сошальский А.Г. Мои воспоминания // Там же. Т. 1. С. 33-39.
- Роммель К.-Д. Спогади про моє життя та мій час / відп. ред. В.В. Кравченко, пер. с нім. В.Л. Маслійчук, Н.А. Оніщенко. Харків: Майдан, 2001. С. 114-115.
- Сбитнев И.М. Записки // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців... Т. 1. С. 157-164.
- Селиванов А.Ф. Из воспоминаний о Харьковском университете за время с 1881 (август) по июнь 1885 г. постороннего слушателя // Там же Т. 2. С. 170-177.
- Степанов Т.Ф. Из «Автобиографии» // Там же Т. 1. С. 40-54.
- Стоянов А.Н. Воспоминания о Д.И. Каченовском. Студенческая жизнь. Первый период профессуры // Там же. Т. 1. С. 362-371.
- Сумцов Н.Ф. Материалы для истории Харьковского университета // Там же. Т. 2. С. 84-103.
- Сумцов Н.Ф. Профессор Александр Иванович Кирличников: (к его характеристике по данным «Очерков» и по личным воспоминаниям) // Там же. Т. 2. С. 104-112.
- Хрушев Д.П. Из воспоминаний // Там же. Т. 1. С. 165-169.
- Цых В.Ф. Речь, говоренная экстраординарным профессором всеобщей историей Цыхом // Записка и речи, читанные при открытии имп. Университета Св. Владимира 15 июля 1834 года. К.: Тип. Киев. ун-та, 1840.
- Шрамченко Н.А. Мои воспоминания // Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців... Т. 1. С. 170-175.
- Якоб Л.Г. О влиянии университетов на образование и благосостояние народов // Речи, говоренные в торжественном годовом собрании императорского Харьковского университета 17 января 1808 г. X.: Тип. Харьк. ун-та, 1808. С. 68-86.
- Якоб Л.Г. фон. Спогади про моє життя / упоряд., коментар. С. О. Синюрка; наук. ред. С.І. Посохов; пер. з нім. О.М. Белозьорової. X.: ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2016. С. 175.

Литература

- Бакиров В.С. Университеты «третьей волны»: социокультурная миссия // Universitates = Университеты: Наука и просвещение. 2012. № 1 (48). С. 22-31.
- Берк П. Что такое культурная история? / пер. с англ. И. Полонской. М.: ВШЭ, 2015. 240 с.
- Винницкий И. Заговор чувств или русская история на «эмоциональном повороте» // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. С. 441-460.
- Вишленкова Е., Мальшева С., Сальникова А. История университета как история памяти корпорации? // Ab Imperio. 2004. № 3. С. 271–310.
- Вишленкова Е.А. Коммеморативная культура российского университета XIX века // Пути России. Историзация социального опыта. М.: НЛО, 2013. Т. 18. С. 584-599.

- Дубина В. Воспитание скукой: обращение с эмоциями в русском дворянском образовании середины XIX века // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 151-165.
- Ивашенко В.Ю., Посохов С.И. Образы профессоров XIX в. в воспоминаниях преподавателей и воспитанников Харьковского университета // Мир историка. Омск. 2011. Вып. 7. С. 110-139.
- Ивашенко В.Ю. Мемуари професорів та студентів з історії Харківського університету XIX – початку XX ст.: дис. ...канд. іст. наук. Харків, 2003.
- Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Професійна етика історика у міждисциплінарному просторі / О.І. Журба. Дніпропетровськ: ЛІРА, 2014. 384 с.
- Лэнгле А. Эмоции и экзистенция. Харьков: Гуманитарный центр, 2007. 332 с.
- Мицц С.С. Мемуары и российское дворянство: источниковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб.: Нестор, 1998. 260 с.
- Николаи Ф.В., Хазина А.В. История эмоций и «аффективный поворот»: проблемы диалога // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 97-115.
- Посохов С.И. «Своевременные размышления» о теориях памяти, типах культуры и смыслах истории // Харківський історіографічний збірник. 2013. Вип. 12. С. 6-23.
- Посохов С.И. Университет и город в Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2014. 364 с.
- Посохов С. Університети у темряві? // Universitates = Університети: Наука и просвещение. 2006. № 1. (25). С. 4-7.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. С. 325–410.
- Столович Л.Н. Философия, эстетика, смех. СПб; Тарту: Крипта. 1999. 383 с.
- Субботина Н.Д. Смех как форма межгрупповых и внутригрупповых отношений // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2015. Вып. 4 (63). С. 38-45.
- Филлимонова О.Е. Язык эмоций в английском тексте. Когнитивный и коммуникативный аспекты. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. 259 с.
- Харківський історіографічний збірник. [«Етичне» в процесі наукової та викладацької діяльності історика XIX–XXI ст.] / відп. ред. С.І. Посохов. 2012. Вип. 11. 308 с.
- Хмельевская Ю.Ю. «История эмоций» в современной историографической парадигме // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. С. 452-461.
- Plamper J. The History of Emotions. An Introduction. Oxford: OUP, 2015. 352 p.
- Rosenwein V.H. Worrying about Emotions in History // American Historical Review. 2002. No. 3 (June). P. 821-845.
- Scheer M. Are Emotions a Kind of Practice (and Is That Makes Them Have a History)? A Bourdieuan Approach to Understanding Emotion // History and Theory. 2012. V. 51. P. 193-220.

REFERENCES

- Bakirov V.S. Universitety («tret'ei volny»): sotsiokul'turnaya missiya // Universitates = University: Nauka i prosveshchenie. 2012. № 1 (48). S. 22-31.
- Berk P. Chto takoe kul'turnaya istoriya? / per. s angl. I. Polonskoi. M.: VShE, 2015. 240 s.
- Vinnitskii I. Zagovor chuvstv ili russkaya istoriya na «emotsional'nom povorote» // Novoe literaturnoe obozrenie. 2012. № 117. S. 441-460.
- Vishlenkova E., Malysheva S., Sal'nikova A. Istoriya universiteta kak istoriya pamyati korporatsii? // Ab Imperio. 2004. № 3. S. 271–310.
- Vishlenkova E.A. Kommemorativnaya kul'tura rossiiskogo universiteta XIX veka // Puti Rossii. Istorizatsiya sotsial'nogo opyta. M.: NLO, 2013. T. 18. S. 584-599.
- Dubina V. Воспитание скукой: obrashchenie s emotsiyami v russkom dvoryanskom obrazovanii serediny XIX veka // Rossiiskaya imperiya chuvstv: Podkhody k kul'turnoi istorii emotsii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. S. 151-165.
- Ivashchenko V.Yu., Posokhov S.I. Obrazy professorov XIX v. v vospominaniyakh prepodavatelei i vospitannikov Khar'kovskogo universiteta // Mir istorika. Омск. 2011. Vyp. 7. S. 110-139.
- Ivashchenko V.Yu. Memuari profesoriv ta studentiv z istorii Kharkivs'ogo universitetu XIX – pochatku XX st.: dis. ...kand. ist. nauk. Kharkiv, 2003.

- Istoriografichni ta dzhereloznavchi problemi istorii Ukraini. Profesiina etika istorika u mizhdistsiplinarnomu prostori / O.I. Zhurba. Dnipropetrovs'k: LIRA, 2014. 384 s.
- Lengle A. Emotsii i ekzistsentsiya. Khar'kov: Gumanitarnyi tsentr, 2007. 332 s.
- Mints S.S. Memuary i rossiiskoe dvoryanstvo: istochnikovedcheskii aspekt istoriko-psikhologicheskogo issledovaniya. SPb.: Nestor, 1998. 260 s.
- Nikolai F.V., Khazina A.V. Istoriya emotsii i «afektivnyi povorot»: problemy dialoga // Dialog so vremenem. 2015. Vyp. 50. S. 97-115.
- Posokhov S.I. «Svoevremennye razmyshleniya» o teoriyakh pamyati, tipakh kultury i smyslakh istorii // Kharkivs'kii istoriografichnii zbirnik. 2013. Vip. 12. S. 6-23.
- Posokhov S.I. Universitet i gorod v Rossiiskoi imperii (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX vv.). Khar'kov: KhNU im. V.N. Karazina, 2014. 364 s.
- Posokhov S. Universiteti u trymyavi? // Universitates = Universitety: Nauka i prosveshchenie. 2006. № 1. (25). S. 4-7.
- Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug, 2011. S. 325–410.
- Stolovich L.N. Filosofiya, estetika, smekh. SPb; Tartu: Kripta. 1999. 383 s.
- Subbotina N.D. Smekh kak forma mezhrupnykh i vnutrigrupnykh otnochenii // Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. Vyp. 4 (63). S. 38-45.
- Filimonova O.E. Yazyk emotsii v angliiskom tekste. Kognitivnyi i kommunikativnyi aspekty. SPb.: RGPU im. A. I. Gertsena, 2001. 259 s.
- Kharkivs'kii istoriografichnii zbirnik. [«Etichne» v protsesi naukovoi ta vikladats'koi diyal'nosti istorika XIX–XXI st.] / vidp. red. S.I. Posokhov. 2012. Vip. 11. 308 s.
- Khmelevskaya Yu.Yu. «Istoriya emotsii» v sovremennoi istoriograficheskoi paradigme // Istoricheskaya nauka segodnya: teorii, metody, perspektivy / pod red. L.P. Repinoi. M.: LKI, 2011. S. 452-461.
- Plamper J. The History of Emotions. An Introduction. Oxford: OUP, 2015. 352 p.
- Rosenwein B.H. Worrying about Emotions in History // American Historical Review. 2002. No. 3 (June). P. 821-845.
- Scheer M. Are Emotions a Kind of Practice (and Is That Makes Them Have a History)? A Bourdieuan Approach to Understanding Emotion // History and Theory. 2012, 51. P. 193-220.

Киселева Юлия Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент Кафедры историографии, источниковедения и археологии Исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина; ula-kiseleva@yandex.ru

The values of university culture through the prism of feelings (on the memoirs of the Imperial Kharkov university students and professors)

The article is devoted to the reconstruction of the repertoire of values and emotions in university culture on the basis of analysing the body of memoir literature from the imperial Kharkov University. The author argues that there existed an organic relationship between values and emotions in the memoir discourse. On the one hand, the distinctive features of university culture were caused by specific forms of selecting and representing emotions in memoirs, but at the same time emotions played a seminal role in the process of formation, preservation and transmission of university culture through the memoir discourse. The author concludes that there existed an “optimistic imperative” in the culture of the university corporation as a whole and that its principles of employing values and emotions remain valid today.

Keywords: history of emotions, university culture, memoir discourse, university values, emotional community, Kharkov university

Iuliya Kiseleva, PhD in History, Lecturer at the Department of Historiography, Source Studies and Archeology, School of History, V.N. Karazin Kharkiv National University; ula-kiseleva@yandex.ru